

Александр Иванович Куприн

Пиратка

Александр Куприн

Пиратка

«Public Domain»

1895

Куприн А. И.

Пиратка / А. И. Куприн — «Public Domain», 1895

Александр Куприн

Пиратка

Он был известен под именем нищего с собакой. Более обстоятельных сведений: биографических, фамильных и психологических, о нем никто не имел, впрочем, никто им и не интересовался. Это был высокий, худой старик с лохматыми седыми волосами, с лицом закоренелого и одинокого пьяницы, трясущийся, одетый в самое рваное лохмотье, насквозь пропитавшийся запахом спирта и нищенских подвалов.

Когда он входил робкою походкой в какой-нибудь из кабачков самого низшего разбора и за ним, поджав хвост и приседая от робости на ноги, вползала его коричневая подслеповатая собака, то завсегдатаи заведения сразу его узнавали.

– А, это тот, что с собакой!

Старик оглядывался кругом, выбирал какой-нибудь столик, за которым, по его мнению, сидела наиболее веселая, пьяная и щедрая компания, и заискивающим голосом спрашивал:

– Господа почтенные, дозволейте нам с собачкой представление показать?

Случалось, что на свое робкое предложение он получал в ответ только грубое ругательство, но чаще всего перспектива собачьего представления пленяла охмелевших и потому нуждающихся в новых впечатлениях посетителей.

– А ну, валяй! Посмотрим, что это за представление выйдет!

Тогда кабачок обращался в импровизированный театр, где артистами являлись старик и его коричневая собака, а зрителями – посетители, половые и даже сам хозяин, толстый и важный, выглядывающий с презрительным любопытством из-за своей стойки.

– Пиратка, иси! – командовал старик. – Иси, подлец ты этакий!

Пиратка подходил к хозяину неуверенной походкой, слабо помахивая хвостом.

– Куш здесь!

Пиратка с глубоким вздохом ложилась на пол и, протянув прямо перед собой лапы, глядела на старика с вопросительным видом.

Старик брал небольшой кусочек хлеба, клал его собаке на нос и, отойдя на два шага и грозя пальцем, произносил медленно и внушительно:

– А-аз, буки, веди, глаголь, добро...

Пиратка, удерживая носом равновесие, с напряженным вниманием смотрела на хозяина. Старик делал длинную паузу, во время которой закладывал руки назад и обводил зрителей лукавым взглядом, и потом вдруг громко и отрывисто вскрикивал:

– Есть!

Пиратка нервно вздрагивал, подбрасывал кусок хлеба кверху и, громко чавкнув, ловил его ртом.

Затем нищий приказывал собаке сесть на стул и изысканно учтивым тоном спрашивал ее:

– Может быть, вы, господин Пиратка, папиросочку покурить желаете?

Пиратка молчал и, моргая глазами, отводил морду в сторону. Он знал, что приближается самый ненавистный для него номер программы.

– Так желаете папиросочку? Попросите, может, вам господа пожертвуют? Просите же, просите, не бойтесь. Да проси же, собачий сын! Ну-у?

Пиратка отрывисто и принужденно лаял, что должно было выражать его просьбу. «Господа» великодушно жертвовали папиросу.

– Служи! – приказывал старик.

Пиратка садился на зад, подняв передние ноги на воздух. Папироска втыкалась ему в зубы и зажигалась. Если же дым попадал собаке в нос и она, к великому удовольствию зрителей, чихала, старик предупредительно спрашивал:

– Может быть, вам табачок не по вкусу? Вы к дюбеку больше привыкли? Ничего, покурите, покурите!

Затем Пиратка ползал, скакал через стулья, приносил брошенные вещи, изображал лакея, ходил на задних лапах. Самый блестящий номер, носивший оттенок сатиры, выполнялся неизменно в конце представления и всегда вызывал шумный восторг публики.

– Умри! – приказывал старик Пиратке.

И Пиратка ложился на бок, бессильно протянув лапы и голову.

– Ну вот, умник, Пиратушка, молодчина! – одобрял старик. – Ну довольно, вставай, пойдем. Вставай же, тебе говорят!

Но Пират не двигался, тяжело дышал и моргал глазами. Старик начинал приходить в отчаяние.

– Пиратушка, миленький, да будет притворяться! Ну пошутил – и будет. Вставай же, голубчик!

Пират не шевелился. Тогда старик от мер кротости переходил к запугиванию.

– Слышь, Пиратка, вставай! Солдат идет...

Пират на это предостережение не обращал никакого внимания.

– Вставай, Пиратка, – дворник идет!

Пират продолжал лежать.

Нищий пробовал после солдата и дворника пугать Пиратку и собачьей будкой, и пьяным купцом, и хозяином заведения, и многими другими лицами и учреждениями, имеющими власть. Но угрозы оказывались безуспешными.

Пират был мертв.

Тогда внезапно старика осеняла блестящая мысль. Он наклонился к самому уху собаки и говорил испуганным шепотом:

– Городовой идет!

Это слово магически действовало на Пирата. Он вскакивал, как востроумный, и начинал с громким лаем носиться по комнате. Посетители кабачка, так или иначе довольно часто сталкивавшиеся с полицией и имевшие с нею более или менее печальные недоразумения, видели в последнем номере Пираткина искусства ядовитый намек на некоторые темные стороны современной общественной жизни и самым шумным образом выражали свое одобрение. Пользуясь этой удобной минутой, старик всовывал в зубы Пиратке козырек своего рваного картуза, и Пиратка, держа высоко голову, обходил поочередно все столы. Зрители бросали в картуз медную мелочь, а старику подносили стакан водки. Впрочем, попадалась иногда и такая компания, которая, с удовольствием посмотрев на представление, не только прогоняла старика, но еще и угрожала дальнейшими враждебными действиями.

– Ступай, старик, не проедайся! Ишь, тоже выдумал с собакой по трактирам шляться. Вот скажу хозяину, так он тебя и с твоей собакой выкинет за двери.

В этих случаях старик молча надевал картуз и выходил из трактира, сопровождаемый Пираткой, робко прижимавшимся к его ногам. Он шел в другой трактир искать счастья.

Выпадали очень часто тяжелые, ненастные дни для нищего и его собаки. Посетители все, точно сговорившись, были грубы и скучны, и старик с Пираткой возвращались голодные, дрожащие от холода домой. Это были ужасные дни. В углу сырого подвала, где старик платил полтинник в месяц за ночлег, жались они друг к другу, чтобы хоть немного согреться. Голод с каждой минутой становился мучительней. Еще Пиратка был счастливее своего хозяина. Ему иногда удавалось найти где-нибудь на заднем дворе, возле помойной ямы, старую кость, давно уже обглоданную и с пренебрежением брошенную другими собаками. Озираясь пугливо по

сторонам, сгорбившись, поджав хвост между ногами, он жадно хватал зубами находку, забирался в какой-нибудь темный, недоступный конец двора и там долго грыз и лизал ее, стараясь обмануть свой аппетит. Старикун приходилось гораздо хуже. Он не мог даже в эти тяжелые минуты одолжиться копейкой или куском хлеба у своих соседей по подвалу. Его не любили и чуждались, может быть, за его молчаливость, за неприятное сожительство с собакой, права которой на ночлег старикун приходилось ежедневно отстаивать ожесточенной руганью и даже иногда кулаками.

Но ужаснее страданий голода были страдания нравственные. В такие неудачные дни старик был трезв, и вся его нищенская, полная унижений и позора жизнь вставала перед ним особенно ярко и неумолимо. Вспоминалась и прежняя жизнь, когда он был еще не кабацким шутом и нищим, не обитателем гнилых подвалов – этих вертепов бедности и порока, а честным тружеником и счастливым семьянином. Случалось, целую зимнюю ночь, длинную и холодную, лежал старый нищий без сна, с тяжелыми мыслями в голове, но страданий своих никогда и никому он не поверял, его и слушать бы не стали. Во всем мире было только одно существо, привязанное к нему, это – Пиратка, которого он нашел еще щенком, замерзающим на улице, и из жалости отогрел и выкормил.

Зато в удачные дни оба они были сыты, а старик вдобавок пьян и, против обыкновения, разговорчив. . . Но так как в этом настроении он не находил другого слушателя, кроме Пиратки, то к нему обыкновенно и обращался с длинными рассуждениями и рассказами.

– Ты только посмотри, Пиратка, что я за человек есть, – говорил старик, лежа на своей плоской соломенной подстилке рядом с собакой и глядя ее. – Пьянствуем мы с тобою, народ по кабакам смешим, нищенствуем. Так нешто это жизнь человеческая? Нас с тобою и за людей-то никто не считает. Третьего дня вот купец Поспелов рожу мне горчицей вымазал в трактире. Ему, понятно, – это лестно, потому что оно действительно смешно: как это у живого человека вдруг вся рожа горчицей вымазана? А ты думаешь, мне это весело? Отнюдь! Может быть, у меня от этой горчицы вся душа перевернулась! Потому что ведь не всегда же мы с тобой, дурашка, такими гнусными да пьяненькими были. Ведь не сразу же мы себя потеряли? Ты вот спроси-ка про меня на литейных заводах господина Мальцева: был ли когда лучший модельщик, чем я? Никогда. Ты думаешь, у нас жены не было? Детей? Угла своего? Ну, положим, жена с приказчиком убегла; тут и удивительного нет ничего: он, приказчик, и на гитаре, и обращение тонкое, и спиртные напитки в руках, шоколад, лимонады разные. Я и запил. А там уж, как детки мои любезные да подросли, так они от своего папеньки, срамного да пьяного, отказались. Потому что никак невозможно: благородную линию держат. Вот мы с тобой и остались вдвоем на белом свете, Пиратка: ты да я, вместе и околевать будем. Дай я тебя, друг мой, поэтому сейчас обниму и поцелую.

И он тащил к себе Пиратку за голову, причем собака жалобно взвизгивала, обнимал ее и громко и жарко целовал ее в холодный, мокрый нос. Пиратка старался вырваться, но делал это по возможности деликатно, чтобы не обидеть хозяина.

Однажды – это было зимою, во время трескучих рождественских морозов – старик зашел со своею собакой в трактир «Встреча друзей». Там как раз оканчивала праздничный загул большая купеческая компания. Старик и Пиратка проделали все номера своего репертуара, закончив их, по обыкновению, язвительной сатирой на недостатки современного общественного строя. Зрители шумно выражали свое одобрение. Один из них, бакалейный купец Спиридонов, как потом узнал старик, особенно сильно пленился Пираткиным искусством, и тут же ему пришла в голову пьяная блажь: во что бы то ни стало приобрести ученую собачку. Он поил старика и все приставал к нему с просьбой продать Пиратку.

– Послушай, любезный человек, – говорил пьяный купец, – ну на что тебе собака? Ведь оба вы с голодудохнете. Продай ты ее мне, прошу тебя. Теперь у меня, положим, к амбарам

три пса приставлено; псы настоящие: мордастые, злые. Однако мне все-таки любопытно, чтоб у меня еще ученая собачка была. Ну, говори, сколько за нее берешь?

Хотя старика развезло от водки и хотя то обстоятельство, что богатый купец Спиридонов упрасивает его, сильно льстило ему, однако Пиратку продавать он не решался.

– Благодетель мой, – говорил нищий коснеющим языком, – ну как я с Пираткой расстанусь, когда я его вот таким маленьким выкормил и воспитал? Ведь это все равно, что друга продать. Нет, никак на это моего согласия не может быть, чтобы Пиратку продавать.

Несогласие нищего еще более разохотило купца приобрести собаку.

– Дурень ты этакий, – сказал Спиридонов, – ведь я же тебе за нее такие деньги дам, каких ты и издали не видел. Можешь ты это понимать или нет?

– Нет, ваше степенство, обидеть вас не желаю, а собачка у меня не продажная.

– Хочешь получить два с полтиной?

– Не могу, ваше степенство!

– Три?

– Не могу.

– Пять?

– Нет, ваше степенство, лучше и говорить не будем.

Но когда купец Спиридонов вынул из толстого бумажника новенькую десятирублевку, старик поколебался. Вид красной ассигнации подействовал на него лучше всяких доводов и упрасиваний. Перспектива сухой, теплой квартиры и горшка горячих щей с мясом ежедневно – окончательно решила судьбу Пиратки. Старик еще продолжал упорствовать, но слабо и нерешительно, и, наконец, сдался совсем, когда купец набавил еще три рубля.

– Бери... твоя, – сказал нищий глухим голосом, жадно скомкал ассигнации и почти бегом выбежал из трактира.

Прошло пять дней. Старик не пил, спрятал свои деньги и сильно тосковал по Пиратке.

На шестой день собака прибежала с обрывком веревки на шее. Старик ей страшно обрадовался, ласкал, целовал ее и пошел уже было в соседнюю лавочку за хлебом и мясом для собаки, как ему на улице навстречу попался один из молодцов Спиридонова, посланный за Пираткой.

Собаку увели.

Старик тяжело и безнадежно запил. Он потерял и сознание, и память, и представление о времени и месте. Сколько времени это продолжалось, – он не знал: может быть, неделю, может быть, две, может быть, целый месяц. Смутно, точно сквозь сон, вспоминал он потом, что опять держал в своих объятиях Пиратку, что собаку у него отнимали, что собака рвалась и скулила. Но когда и где это было, он не мог сообразить. Он очнулся в больнице после жестокой горячки. Сначала больница ему очень понравилась: чисто так, светло, доктора на «вы» говорят, кормят хорошо. Только мысль о Пиратке, первая здоровая мысль, пришедшая ему в голову после нелепой, чудовищной фантасмагории запоя, не давала ему покоя. Мало-помалу страстное желание во что бы то ни стало хоть раз увидеть собаку так овладело стариком, что он с нетерпением ожидал выписки.

Когда он вышел из больницы, был один из тех зимних теплых дней, когда в поле и на улице начинает пахнуть весной. Опьяненный этим пахучим, радостным воздухом, нетвердо ступая ногами, за время болезни отвыкшими от ходьбы, пошел он к дому Спиридонова.

Неуверенно, робко отворил он калитку и остановился в испуге. Прямо ему навстречу грозно зарычала большая коричневая собака. Старик отступил на два шага и вдруг весь затрясся от радости.

– Пират... Пиратушка... Родимый мой, – шептал старик, протягивая к собаке руки.

Собака продолжала рычать, захлебываясь от злости и скаля длинные белые зубы.

«Да, может быть, это и не Пиратка вовсе? – подумал нищий. – Ишь, какой жирный стал да гладкий. Да нет же, – конечно, Пират: и шерсть его коричневая, и подпалина на груди белая, вот и ухо левое разорванное».

– Пиратушка, миленький мой! Чего же ты сердишься-то на меня, глупый?..

Пират вдруг перестал рычать, подошел к старику, осторожно обнюхал его одежду и завилял хвостом. В ту же минуту на крыльце показался дворник, рыжий детина в красной канаусовой рубаше, в белом переднике, с метлой в руках.

– Тебе чего, старик, надобно здесь? – закричал дворник. – Иди, иди, откедова пришел. Знаем мы вас, сирот казанских. Пиратка! Пойди сюда, чертов сын!

Пиратка сгорбился, поджал хвост и заскулил, переводя глаза то на дворника, то на своего хозяина. По-видимому, он был в большом затруднении и в его собачьей душе совершалась какая-то тяжелая борьба.

– Пиратка, сюда! – возвысил голос дворник и хлопнул себя ладонью по ляжке, призывая собаку.

Пиратка еще раз взглянул жалобными глазами на старика, сгорбился больше прежнего и виноватой походкой пополз к дворнику.

Старик, шатаясь, вышел на улицу...

В час ночи на спиридоновском дворе вдруг раздался Пираткин вой, заунывный, настойчивый вой, в котором слышалось осмысленное отчаяние и горе. Спиридонов проснулся от этих зловещих звуков, и ему стало жутко.

– Ишь ты, пес проклятый, – проворчал он, чувствуя, как у него по спине и голове бегают мурашки, – точно смерть чью-нибудь накликает, право.

После этого Спиридонов напрасно старался заснуть. Прошло полчаса, час... Пират все не прекращал своего ужасного воя. Купец встал с постели, надел шлепанцы и, спустившись в кухню, приказал дворнику исследовать причину собачьего воя, а самую собаку отпустить, чтобы спать не мешала.

Дворник оделся и вышел на двор. Было темно, дул ветер, а с неба, из быстро и низко несущихся туч, сеял мелкий, теплый весенний дождь. Пират тотчас же узнал дворника, подошел к нему, лизнул его руку и побежал вперед, изредка останавливаясь и тихим визгом зовя за собою дворника.

Дойдя до запертой садовой калитки, Пиратка остановился и опять начал свой отчаянный вой. Сначала дворник, пока его глаз не привык к темноте ночи, не мог ничего разобрать, но потом вдруг он испустил неистовый вопль, окаменев на месте от безумного ужаса, сковавшего его члены.

На ближайшей к решетке развесистой липе слабо качался, едва не касаясь ногами земли, страшный, вытянувшийся человеческий силуэт... Это покончил все жизненные расчеты бывший Пираткин хозяин.